

ЗРИТЕЛЬ ПРЕЖДЕ ВСЕГО

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПОЗВОНИТЬ по телефону Михаилу Ивановичу Жарову и договориться о встрече и интервью, мы думали о том, какие задать вопросы. А что если спросить нескольких читателей «Известий», какой один вопрос каждый из них задаст бы М. И. Жарову. Только один! Так родилось это интервью. В нем принимали участие — Л. Е. Хазанов, инженер, Герой Социалистического Труда; Ю. П. Иванов, кандидат исторических наук; М. В. Куценко, ассир мосновских театрально-зрелищных масс.

— Михаил Иванович, мы хотим задать вам всего три вопроса наших читателей...

— Я готов ответить на каждый из них. Хотя, оговорюсь заранее, боюсь, что отвечу не так полно, как хотелось бы. Но в какой-то мере, может быть, за меня потом даст ответ фильм «Рассказывает Михаил Жаров», съемки которого завершаются сейчас... Я слушаю вас.

— Что помогает вам создавать на сцене и на экране яркие образы своих героев? (Л. Хазанов).

— Мне бы хотелось поставить этот же вопрос несколько по-иному: вернее было бы спросить — кто помогает? И вот мой ответ: прежде всего — зритель! Всякая профессия хороша, когда она доставляет человеку радость, нравственное удовлет-

ворение. Для актера зрительный зал — все! От его жаркого дыхания зависит, будет ли актер сегодня на сцене настоящим художником. Усталым приходит после спектакля артист в гримуборную. Но как возбужден, как счастлив он, если одержана победа и зал гремит овацией. Такое приходится переживать всем актерам. Я более пятидесяти раз слушал Шаляпина в разных спектаклях, но великого актера при этом видел не всегда. Не могу сказать, как однажды я повел свою маму на «Фауста». Нам повезло: это был удивительный спектакль. Зал гремел, а Федор Иванович выходил и выходил на поклон: сначала в костюме Мефистофеля, потом снял парик, разгримировался, переделся в свой костюм, затем вышел уже в ботиках... и, наконец, последний раз он вышел на аплодисменты в шубе!.. Это был триумф актера.

Мне моя профессия приносит глубокое удовлетворение. Не только потому, что в ней есть нечто и от филолога, и от историка, и от искусствоведа, и от музыканта, и от ре-

жиссера. Это профессия человековедения, если хотите. И в то же время я получаю огромное удовлетворение от того сознания, что моя профессия помогает людям встретиться с радостью, с мечтой, увидеть ее реально. Актер живет всем, чем живет мир. Искусство должно отвечать ищущим людям на многие их вопросы, начиная от классовой борьбы, войны во Вьетнаме и кончая нравственными проблемами сегодняшнего нашего быта.

Театр — искусство синтетическое. Поэтому не удивительно, что многие актеры в процессе работы над образом обращаются и к рисунку, и к скульптуре, и к музыке... В моей домашней библиотеке уникальная коллекция, например, альбомов разных художников. И это не только потому, что сестра моя — художница, жена рисует, а одна из дочерей учится живописи... Я и сам рисовал в юности. Но сейчас для меня это настоящее подполье в работе.

Ведь для актера обязательно нужно обилие разного рода информации, художественных впечатлений, обилие знаний.

Когда я работал над образом Меншикова в «Петре I», Алексей Толстой однажды дал мне груды старинных книг, мемуаров и сказал: «Ты возьми все это... тебе нужно внутренне размяться... Потом эту массу можно будет отлить в форму образа». Конечно, книги эти дали очень много мне в работе над образом, дали почувствовать эпоху. Но чего-то не хватало. Словно бы какой-то ноты, чтобы образ ожил, за сверкал. Законы ассоциации неисповедимы. Как-то я выгирал переплеты книг на своей книжной полке, раскрывал то один том, то другой.

От тоски, то ли еще от чего стал перечитывать тут же у полки «Трех мушкетеров»... Временная параллель почти одна и та же. У Дюма все конкретно выписано — и шпаги, и мушкетерская лихость, и многие другие приметы. И вдруг от всего этого зажил мой Алексашка Меншиков. Когда Толстой узнал об этом, посмотрел на меня внимательно, губы его вытянулись, глаза округлились: «Знаете, что он мне сказал, — обратился он к кому-то рядом, — что Меншиков-то похож на мушкетера. Слыхали? Да, ты, оказывается, хитрый!».

И так бывает каждый раз. При чем накопление всякого рода информации, художественных впечатлений идет повседневно и впрок. Словно бы создается такая «копилка», которая может пригодиться неожиданно.

Однажды мне пришлось экспромтом, без надлежащей подготовки сыграть роль Дымбы в фильме «Возвращение Максима». Вечером прочел сценарий, а утром уже снимался. «Копилка» выручила.

— Михаил Иванович, советское театральное искусство создало новый тип актера-гражданина, общественного деятеля. Много лет назад при вашем активном участии была создана в Центральном Доме актера секция зрителей, объединяющая сегодня представителей многих предприятий Москвы. Как вы считаете, способствует ли такая форма общения развитию общественной направленности таланта актера? (Ю. Иванов).

— В данном случае, как мне кажется, выигрывают обе заинтересованные стороны: и зрители, и акте-

ры. Сейчас многие театры имеют в числе своих друзей целые заводские коллективы. Общественный резонанс этого важного движения велик. Особенно полезны такие контакты, когда все поставлено на творческую, деловую основу, без помпезности и торжественной официальности. Актерам, особенно тем, кто в силу своей занятости часто замыкается в своих узкопрофессиональных интересах, это позволяет увидеть иные горизонты жизни, ощутить и в критических, и в похвальных словах рабочих людей общественную весомость своего труда. В свою очередь, деятели театра могут и должны сделать все, чтобы развивались художественные интересы людей, их самодеятельное творчество, народные театры.

— Может быть, мой вопрос традиционен, но я хотела бы узнать (об этом меня часто спрашивают будущие зрители): когда мы вас увидим в новой роли? (М. Куценко).

— Только что я сыграл роль полковника Манова в спектакле «Золотое руно» по повести болгарского писателя Андрея Гуляшки. Думаю, что скоро будет и новая встреча со зрителями на экране: писатель Виль Липатов работает над продолжением истории «деревенского детектива» Анискина.

Есть у меня и заветная мечта. Дня не проходит, чтобы в суতোлке дел я не подумал о ней. Читаю и перечитываю Шекспира, его «Генриха IV». Хочу сыграть Фальстафа. Мечтаю, что скоро мой Фальстаф оживет на сцене.

...Мы прощаемся с гостеприимным хозяином. Благодарим за беседу.

Ю. ЧЕРЕПАНОВ.